

На правах рукописи

ГАФАРОВА Асия Султановна

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ:
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тверь 2006

Работа выполнена на кафедре теории языка и межкультурной коммуникации Тверского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
М.Л. Макаров

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
В.А. Миловидов

кандидат филологических наук, доцент
Я.В. Зубкова

Ведущая организация: Удмуртский государственный
университет

Защита состоится «___» _____ 2006 г. в ___ час. ___ мин.
на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском
государственном университете по адресу: Россия, 170000, г. Тверь, ул.
Желябова, 33, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Тверского государственного университета по адресу: г. Тверь, ул.
Володарского, 42.

Отзывы можно направлять по адресу: 170000, г. Тверь, Желябова 33,
Тверской государственной университет, ученому секретарю.

Автореферат разослан «___» _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.263.03
кандидат филологических наук, доцент

В.Н. Маскадыня

Сегодня человеческую мысль как никогда ранее волнуют проблемы национальных, культурных, социальных и гендерных различий. На повестке дня все чаще появляются вопросы расовых, этнических, межкультурных отношений и, как результат, сопряженные с ними проблемы национальной и культурной идентичности, социальной агрессии, межнациональных конфликтов и нетерпимости. То, как ведет себя индивид, во многом обусловлено культурой (социальные нормы и ритуалы), в которой он воспитан. Поэтому все, что противоречит или отличается от норм, ценностей и представлений индивида, может восприниматься им как непонятное, чуждое и, соответственно, враждебное.

Свой вклад в решение данных проблем может сделать и лингвистика через исследование речевых портретов членов того или иного социума. С одной стороны, речевой портрет личности индивидуален и отражает уникальный, неповторимый для каждого человека жизненный опыт. С другой стороны, язык выступает коллективным хранителем информации о мире, социуме и его институциональных проявлениях. С этих позиций язык является неким «зеркалом» жизнедеятельности членов того или иного социума.

Перед лингвистикой на сегодняшний день стоит важная задача детального исследования всех видов дискурса в конкретном языковом сообществе, задача, в которой есть еще много лакун. Изучение особенностей речевого поведения того или иного социума может способствовать лучшему пониманию мира и окружающих нас людей, снятию страха, агрессии и неприязни по отношению к «чужим» этническим, религиозным и социальным группам.

Реферируемая диссертация посвящена анализу особенностей речевого поведения одной из важнейших социальных групп любого общества XX-XI вв. – военнослужащих срочной службы (солдат).

Объектом настоящего исследования являются речевые портреты солдат, отраженные в произведениях художественной литературы XX века. В качестве *предмета* исследования рассматриваются социолингвистические характеристики речи военнослужащих срочной службы.

Можно выделить следующий круг уже подвергшихся исследованию вопросов, связанных с профессиональной речью военных и речью солдат: а) синтаксис военных материалов (О.И. Москальская, С.И. Петров); б) военная лексика и фразеология, включающая в себя терминологический класс и военный жаргон (Г.А. Бучина, Н.К. Гарбовский, А.Н. Кожин, Г.А. Судзиловский); в) военные сокращения (В.В. Борисов, А.П. Шаповалова); г) солдатский жаргон (В.М. Жирмунский, М.Т. Дьячок, Г.А. Судзиловский, Ann P. Linder, H. Löffler и др.); имело место создание словарей военных терминов (Таубе 1942; 1944; Бойко, Бакаленко, Куценко 1977; Артемов 1982; Тимохов, Токарев 1990 и др.) и словарей социально-группового диалекта военнослужащих срочной службы (Дьячок 1990; 1992; Ауэрбах 2005;

Horn 1899; Imme 1918; Küpper 1970; 1978; Commenda 1976; Möller 2000 и др.); военные материалы исследовались в рамках теории перевода (Г.М. Стрелковский, Р.В. Ефимов, Б.Л. Бойко и др.)

Однако речь военнослужащих срочной службы (солдат) до настоящего времени комплексному анализу еще не подвергалась.

Актуальность настоящего исследования обусловлена следующими обстоятельствами:

1) объект исследования предполагает обращение к специфике феномена речевого портрета, который, на наш взгляд, нуждается в некоторых уточнениях;

2) речь солдат (военнослужащих срочной службы), которые являются одной из важнейших социальных групп любого общества, до настоящего времени комплексному анализу еще не подвергалась.

Целью исследования является социолингвистическая характеристика речи солдат на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях (установление с помощью глаголов говорения физических и эмоционально-экспрессивных признаков речевого поведения) и выявление социально-психологических причин их возникновения в аспекте феномена речевого портрета.

Для достижения поставленных целей исследования потребовалось решить следующие *задачи*:

1) уточнить соотношений понятий «дискурс», «художественный дискурс», «художественный текст»;

2) уточнить понятие категории речевого портрета;

3) рассмотреть глаголы говорения (*verba dicendi*) в аспекте полевой структуры языка;

4) выявить систему общих социолингвистических знаков, характерных для военнослужащих срочной службы;

5) установить корреляцию социальных, психологических и языковых факторов, повлиявших на выработку определенных речевых характеристик солдат.

Материалом для исследования послужили романы немецких авторов XX века: «На Западном фронте без перемен» Э.М. Ремарка (Remarque E.M., “Im Westen nichts Neues”), «Время жить и время умирать» Э.М. Ремарка (Remarque E.M., “Zeit zu leben und Zeit zu sterben”), «Приключения Вернера Хольта» Д. Нолля (Noll D., “Die Abenteuer des Werner Holt: Roman einer Jugend”), «Мы не пыль на ветру» М.В. Шульца (Schulz M.W., “Wir sind nicht Staub im Wind”). Данные произведения были выбраны, поскольку их героями являются солдаты. Кроме того, действие этих романов происходит на фоне первой и второй мировых войн, непосредственными участниками которых были сами писатели. Проанализировано 1838 страниц, из которых для разностороннего анализа выбраны 115 слов-жаргонизмов и около 250 случаев употребления риторических фигур. Для сопоставления

привлекались словари солдатского жаргона на материале русского и английского языков.

В исследовании использовались следующие *методы*: компонентный, контекстуальный, интерпретативный анализ.

Научная новизна исследования заключается: 1) в установлении особенностей речевого поведения военнослужащих срочной службы на примере немецких солдат в период первой и второй мировых войн; 2) в попытке рассмотрения глаголов говорения (*verba dicendi*) как функционально-семантического поля.

Теоретическая значимость диссертации заключается:

- 1) в уточнении понятия речевого портрета;
- 2) в рассмотрении глаголов говорения (*verba dicendi*) в аспекте теории полевой структуры языка;
- 3) в выявлении общих поведенческих языковых знаков, характерных для речи военнослужащих срочной службы, и установлении социально-психологических и языковых причин их возникновения.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения полученных результатов в лекционных курсах по общему языкознанию, лексикологии, стилистике, в спецкурсах по социолингвистике, лингвокультурологии, анализу текста, в практических курсах немецкого языка.

По результатам проведенного исследования на *защиту выносятся* следующие положения.

1. Речевой портрет представляет собой совокупность лексических, грамматических, фонетических особенностей речевого поведения персонажа, создающих его косвенную социолектическую и идиолектическую характеристику и выступающих в органическом единстве с авторскими ремарками и глаголами говорения, возмещающих «ущербность» *oratio fictionalis* по отношению к *oratio naturalis*. Глаголы говорения (*verba dicendi*), можно рассматривать как один из возможных конституирующих признаков речевого портрета. *Verba dicendi* образуют в системе языка функционально-семантическое поле.

2. Солдатский жаргон, являющийся отличительным признаком речи военнослужащих срочной службы, выполняет в дискурсивной практике солдата наряду с репрезентативной, дифференцирующей, экспрессивной и номинативной функциями также и защитную функцию.

3. Речь солдат характеризуется экспрессивностью, которая достигается за счет активного использования таких стилистических фигур, как метафора, эвфемизм, метонимия, антономасия, сравнение, игра слов. Основным стилистическим средством является метафорический перенос. Свойством «солдатской» метафоры является стремление представить смертельно опасные ситуации и военные реалии с помощью сугубо «мирных» и безопасных ситуаций и реалий.

4. В системе синтаксиса и грамматики для речевого поведения военнослужащих срочной службы характерно активное употребление неполных, простых предложений, эллипсисов, инфинитива вместо императива.

5. Речь солдат, для которой характерны постоянные нарушения литературной нормы, использование ругательств, лексико-фразеологических единиц со сниженной стилистической окраской, слов и выражений, объединяемых общей эмоциональной окраской, связанной с негативным (критическим) отношением к условиям армейской жизни может рассматриваться как своеобразная (единственно доступная) форма протеста.

Апробация исследования производилась на научной конференции «Проблемы профессиональной компетенции» (ТГУ, 14-15 апреля 2005 года), на научной конференции «Стилистика и теория языковой коммуникации» (МГЛУ, 20-21 апреля 2005). По теме диссертации опубликовано 7 работ общим объемом около 2,1 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновываются актуальность темы диссертации, определяются цели, задачи и методы исследования, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В *первой главе* «Художественный текст vs. художественный дискурс» показано разнообразие подходов к определению художественного текста. Для этого необходимо обращение к таким понятиям, как «дискурс» и «художественный дискурс», которые широко используются в современной лингвистике, но трактуются неоднозначно.

В качестве рабочего принимается определение художественного текста как созданного автором вымышленного изображения действительности, где выражаются авторское мировоззрение, мироощущение, энциклопедические знания, опыт писателя и его отношение к миру.

Однако вымысел, фантазия автора не противостоят действительности. Во многих произведениях художественной литературы (прежде всего, относящихся к жанру реализма) вымысел служит средством типизации. Социальный язык в художественных произведениях также становится предметом свободного и художественно направленного воспроизведения, перестройки, художественного преобразования: отбираются типические моменты языка, характерные или даже символически существенные. Речевой портрет в произведении художественной литературы можно рассматривать как стилизацию, создание своеобразного стереотипа речи, так как неполное, частичное отражение речевых особенностей дает возможность более отчетливо увидеть то, что лежит на «поверхности» и отличает один

тип языковой личности от другого (В.В. Виноградов, А.И. Домашнев, Ю.Н. Караулов, А.Г. Костецкая, Е.В. Розен и др.).

Любой текст, которому присущи параметры художественности, реализуется в сообщении, посредством которого осуществляется художественный дискурс. Проблеме определения дискурса посвящено большое количество работ (Т.А. van Dijk, G. Kress, G.N Leech, D. Schiffrin, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, Г.А. Орлов и др.). В настоящем исследовании наиболее предпочтительным представляется понимание дискурса как коммуникативного события, т.е. нераздельного события субъекта, объекта и адресата некоторого единого высказывания.

Художественный дискурс трактуется в реферируемом исследовании как социокультурное взаимодействие между писателем и читателем, вовлекающее в свою сферу культурные, эстетические, социальные ценности, энциклопедические знания, знания о мире и отношение к действительности, систему убеждений, представлений, верований, чувств и представляющее собой попытку изменить духовное пространство человека и вызвать у него определенную эмоциональную реакцию.

Вторая глава «Феномен речевого портрета» посвящена одной из основополагающих категорий реферируемого диссертационного исследования – категории речевого портрета, которая трактуется нами как характеристика индивида или литературного героя посредством его манеры говорения. Следует подчеркнуть, что речевая характеристика персонажа художественного произведения не ограничивается его прямой речью, т.е. речью, передаваемой дословно в виде самостоятельного предложения и соответственно выделяемой знаками препинания. Речевой портрет персонажей создается посредством прямой, косвенной и несобственно-прямой речи и их смешанными формами.

Речевой портрет, представляющий собой совокупность специфических фонетических, грамматических и лексических особенностей речи литературного героя – это двуединство социолектической и идиолектической характеристики персонажа. Речь литературного персонажа строится как бы по двум направлениям, выявляя его тождественность не только как представителя определенной социальной группы, возраста, уровня образования и т.п., но и выявляя его тождественность как личности, индивидуума, со всеми присущими ему характерными особенностями. Это одно из основных условий создания реалистических художественных образов, где «каждое лицо тип, но вместе с тем определенная личность» [Розен 1959: 247].

Типическое в речевой характеристике литературного героя передается при помощи соответствующего выбора лексико-фразеологических, грамматических и фонетических выразительных средств языка и может характеризовать его как: члена определенной социальной среды, класса; представителя определенной профессии; представителя определенной нации,

народа; представителя определенной исторической эпохи; жителя определенной местности или территории.

Под *идиолектом* в настоящем исследовании понимается совокупность всех лингвистических и экстралингвистических (тембр голоса, дикция, манера говорения) особенностей речевого поведения того или иного литературного персонажа или индивида. Каждый человек обладает своей «языковой» индивидуальностью. Эти личные своеобразия манеры говорения помогают осознанию и определению образа и характера личности. Индивидуальная речевая характеристика персонажа создается посредством комбинации всех особенностей его речи.

Для адекватного определения феномена речевого портрета весьма существенным может быть различие естественных, живых речевых контактов (*oratio naturalis*) и вымышленной речи персонажей художественных произведений (*oratio fictionalis*). В *oratio fictionalis* определенные параметры речи, естественные для *oratio naturalis*, не могут найти своего зеркального языкового отражения. Имеются в виду просодические параметры «говорения» (высота тона, мелодия, интонация), а также жестикуляция, мимика, выражение лица.

Эту «ущербность» вымышленной речи во многом восполняют глаголы говорения (*verba dicendi*). Глаголы говорения в реферируемой работе рассматриваются как один из возможных конституирующих признаков речевого портрета. Их прагматическое предназначение состоит в том, чтобы возместить определенную «ущербность» «придуманной» автором речи персонажа по отношению к определенным экстралингвистическим параметрам живой речи.

В реферируемом исследовании глаголы говорения рассматриваются в аспекте теории полевой структуры языка. В качестве рабочего принимается определение функционально-семантического поля *verba dicendi* как разновидности функционально-семантического поля, образуемого совокупностью однородных лексических единиц, группирующихся вокруг коллективной доминанты (*sagen, fragen, antworten*), передающей значение «говорения» в самом общем виде, и периферии, модифицирующей основное значение доминанты в аспекте просодических или экспрессивно-эмоциональных коннотаций. Предлагается следующая схема структуры функционально-семантического поля *verba dicendi* в немецком языке.

На ближней периферии функционально-семантического поля *verba dicendi* находятся высокочастотные лексические единицы, которые уточняют прагматику говорения, например, *erzählen, erklären, reden, erwidern*, а также высокочастотные глаголы, имеющие стилистическую окраску, и глаголы, широко распространенные в разговорной речи, в молодежном жаргоне.

Лексические единицы дальней периферии отражены в частотном словаре, но с определенными пометами. Их характерное свойство – невысокая

общая частота. Место лексических единиц, отраженных в частотном словаре, определяется и по наличию функциональных компонентов значений, ограничивающих их употребление. Наличие того или иного функционально-темпорального компонента (например, «устаревшее», «историческое») у лексических единиц с низкой общей частотой, денотаты которых принадлежат к историческому прошлому, обуславливает их отнесение к дальней периферии (*ansagen, kaudern, austrommeln*). Помимо глаголов, принадлежащих к историческому прошлому, к дальней периферии относятся также профессионально-ограниченные единицы с узкоспециальным характером значения (*bewilligen, fantasieren, genehmigen, konsultieren*). К дальней периферии относятся также глаголы, которые являются наиболее употребляемыми и характерными для определенных территорий Германии и немецко-говорящих стран, т.е. диалектально-окрашенные глагольные единицы (*memmeln, gacksen, dalken*).

Функционально-семантическое поле *verba dicendi* обнаруживает сложную структуру: мы можем выделить микрополя внутри общего макрополя. Многозначность конstituентов поля создает возможность участия одного конstituента в нескольких микрополях. Так, глагол *meckern*, с одной стороны, передает физические параметры речи («говорить или хихикать звонким, дрожащим голосом»), а, с другой стороны, характеризует речь индивида в аспекте эмоционально-экспрессивной оценки («быть недовольным чем-то; брюзжать, ворчать, ныть по какому-либо поводу»).

Критериями классификации глаголов говорения может служить их отношение к норме, стилю, экспрессивности. Для целей исследования – установления с помощью глаголов говорения физических и эмоционально-экспрессивных признаков речевого поведения – в реферируемой работе различаются три группы глаголов: глаголы, обозначающие физические параметры «говорения», глаголы, выражающие эмоциональную оценку «говорения», глаголы с относительно нейтральным значением.

В конце главы предлагается рабочее определение речевого портрета как совокупности лексических, грамматических, фонетических особенностей речевого поведения персонажа, создающих его косвенную социолектическую и идиолектическую характеристику и выступающих в органическом единстве с авторскими ремарками и глаголами говорения, возмещающих «ущербность» *oratio fictionalis* по отношению к *oratio naturalis*.

Третья глава «Речь военнослужащего срочной службы» посвящена исследованию речевого портрета солдата на материале произведений художественной литературы немецких авторов.

В реферируемом исследовании солдаты рассматриваются как особая социальная группа людей, разделяющих общие ценности, взгляды и речевые особенности. Речевые портреты солдат в проанализированных романах представляют своеобразный сплав военной терминологии, солдатского жаргона и «гражданской речи», т.е. особенностей речи, присущих индиви-

ду еще до его службы в армии. Этот своеобразный «язык», на котором говорят солдаты независимо от своего уровня образования и социального положения, которое они занимали до службы в армии, способствует выравниванию рядов военнослужащих срочной службы, их социализации, осознанию их принадлежности к армии и к «солдатскому сословию» в частности.

Речь солдат выделяется, прежде всего, на основании существования особого вида внутригрупповой речи – солдатского жаргона. Жаргонные лексико-фразеологические единицы представлены в общих словарях с соответствующими пометками: *Soldatenspr.* (*Soldarensprache*), *солдатский жаргон*, *военный жаргон*. Кроме того, они зафиксированы в специальных словарях [Судзиловский 1973; Коровушкин 1994; Ауэрбах 2005; Horn 1899; Imme 1918; Fritz 1938; Commenda 1976; Küpper 1970; Küpper 1978; Möller 2000 и др.]. В лингвистической литературе часто смешиваются термины «военный (армейский) жаргон» и «солдатский жаргон». Военный жаргон – понятие более широкое. В его состав входят «кодовый жаргон» (Г.А. Судзиловский), жаргон военных (лексико-фразеологические единицы, сокращения, акронимы, используемые в профессиональном общении в среде военных), солдатский жаргон (А.Р. Linder).

Солдатский жаргон, являющийся неотъемлемым атрибутом армии, может рассматриваться как явление интернациональное. Доказательством данного тезиса может служить наличие на сегодняшний день большого количества словарей солдатского жаргона различных армий мира. Различные национальные варианты солдатского жаргона представляют собой блестящий образец того, как под влиянием одних и тех же производственных отношений, социальных условий вырабатывается один и тот же тип мышления и поведения.

При просмотре словарей социально-группового диалекта военнослужащих и солдат на материале английского, русского и немецкого языков [Бойко, Борисов <http://>; Судзиловский 1973; Коровушкин 1994; Horn 1899; Imme 1918; Commenda 1976; Küpper 1970; 1978 и др.] и работ, посвященных солдатскому жаргону (В.М. Жирмунский, А.Р. Linder), можно отметить следующие закономерности. Схожесть деятельности и условий, в которых эта деятельность разворачивается, в целом ряде случаев становится первопричиной общей образности. В разных национальных вариантах социального диалекта военнослужащих срочной службы действуют одни и те же устойчивые метафорические и метонимические переносы. Например, русский язык *пушечное мясо*, немецкий язык *Kanonenfutter* n, английский язык *cannon-fodder*; вражеские солдаты – немецкий язык *Iwan* m ‘русский солдат’, *Tommy* m ‘английский солдат’; русский язык *фритц*, *ханс* ‘немецкий солдат’; английский язык – *Fritz*, *Hans* ‘немецкий солдат’, бомба – немецкий язык *Ei* n, английский язык *egg*; русский язык *яйцо*; винтовка – немецкий язык *Laura* f, английский язык *Mary*, *Betsy*, русский язык - сол-

датская *жenuшка*; самолет, вертолет – русский язык *имель*, немецкий язык *Viene f*, английский язык *bumble bee*; обстрелять – русский язык *задать перца*, немецкий язык – *Pfeffer geben, pfeffern*, английский язык – *to pepper*.

Г. Комменда отмечает: «Вполне допустимо, что схожесть таких обстоятельств, как всеобщая военная повинность, порядок подчинения, служба в военное и мирное время и т.п., несмотря на все культурные и языковые различия аналогичным образом находит свое выражение в различных языках» [Commenda 1976: 2]. Например, в английском, немецком и русском вариантах солдатского жаргона широко распространены метафоры, основанные на сравнении военных орудий и снарядов с «безобидными» реалиями и явлениями из «мирной» жизни (например, домашней утварью, продуктами питания, животными и т.д.): русский язык – *люстра* ‘светящаяся авиабомба’, *груша* ‘минометная мина’, *консервы* ‘мины’, *самовар* ‘миномет’, *слон* ‘танк’, *хлопушка* ‘ручная граната американского производства’, *грач* ‘самолет штурмовик Су-25’, *музыкант* ‘бомбардировщик Ю-87’, *швейная машина* ‘пулемет’, *чемодан* ‘артснаряд крупного калибра’, *чайка* ‘истребитель И-153»; английский язык – *horned toad* ‘гальваноударная мина’, *chestnut* ‘пули’, *potato masher* ‘(немецкая) ручная граната с длинной ручкой’, *can* ‘танк’, *bullets* ‘бомбы’, *bus* ‘самолет’, *cabbage* ‘мины’, *jam pot* ‘минометная мина’, *typewriter* ‘пулемет’, *mice* ‘малокалиберные бомбы’, *vegetable* ‘мина»; немецкий язык – *Nussknacker m* ‘фаустпатрон’, *Libelle f* ‘вертолет’, *Kartoffel f* ‘мина’, *Bonbon n* ‘мина’, *Kaffemühle f* ‘пулемет’.

Аналогии в речи представителей различных армий мира могут быть объяснены схожестью условий службы, профессиональной деятельности, схожестью наиболее популярных в среде военнослужащих представлений.

Солдатский жаргон реализуется преимущественно в условиях внутригруппового общения солдат, протекающего в непринужденной, дружеской обстановке при коммуникативном равенстве всех участников общения. Во всех речевых актах, осуществляемых с представителями других социальных групп, жаргон уступает место основным формам существования языка, а в разговоре с вышестоящими чинами солдаты, как правило, пользуются официальной военной терминологией.

В реферируемом исследовании понятие «солдатский жаргон» будет соотноситься с понятием «солдатское сословие» (Р. Horn). «Солдатский язык» возник из потребностей непринужденного общения товарищей по службе, хотя его отдельные выражения проникают и в официальные служебные отношения. Они в какой-то мере смягчают установление суровых условия солдатской жизни, помогают установлению доверительных отношений между начальником и подчиненным (Th. Imme). Но ведущая роль в словотворчестве принадлежит рядовому солдату, который умеет увидеть в слове его яркое, образное содержание.

В диссертации особенности речи военнослужащих срочной службы исследованы на материале романов на немецком языке. Это дало возможность комплексного исследования особенностей речевого поведения солдат. Кроме того, данные произведения, посвященные событиям первой и второй мировых войн, позволили исследовать особенности речи не просто солдат, а солдат, участвующих на передовой в мировых войнах.

Фактический материал исследования особенностей солдатского жаргона составил в общей сложности 115 слов и выражений. Некоторые жаргонизмы повторяются в проанализированных романах не менее пяти-шести раз: *der Spieß* (фельдфебель), *schleifen* (муштровать), *dicke Luft* (сильный обстрел вражеских орудий), *die Ari* (артиллерия), *Kattun haben* (подвергнуться ожесточенному артиллерийскому обстрелу) и т.д.

Анализ собранного корпуса примеров позволяет выделить следующие символические функции жаргона в речи солдат: *номинативную, экспрессивную, защитную, репрезентативную и дифференцирующую* функции.

Репрезентативная функция проявляется в том, что, используя лексику жаргона, индивид претендует на право принадлежности к «солдатскому сословию». Активное владение соответствующим жаргоном позволяет болезненно влиться в круг «своих» – круг, порою довольно замкнутый и противопоставляющий себя прочим общественным сферам. Г. Комменда замечает: «... новобранец только тогда будет признан настоящим солдатом, когда он полностью овладеет солдатским языком» [Commenda 1976: 9].

Солдатский жаргон есть выражение истинно солдатского духа, который царит в кругу товарищей по службе на лексике солдатского жаргона лежит печать единого и своеобразного духа, ощущений сотен тысяч, живущих в одинаковых условиях [Commenda 1976: 5, 9, 15].

Первая и вторая мировая войны по масштабам, жестокости и кровопролитию не имеют аналогов в истории. Военных на каждом шагу поджидали здесь опасности, трудности и смерть. Солдаты были месяцами совершенно оторваны от внешнего мира, вынуждены были жить под постоянным обстрелом в грязных, сырых окопах. Эта изолированность привела к тому, что солдаты, связанные общностью обстоятельств, начали воспринимать себя членами некой социально-обособленной группы.

Основным коллективным представлением солдат, определяющим их отношение к окружающим, служит представление о борьбе двух миров. Солдат делит весь мир на две половины: «свою» – добрую и «чужую» – злую. Все, что происходит во внешнем мире, сводится для военнослужащего срочной службы к борьбе «своего» и «чужого». Дифференцирующая функция проявляется тогда, когда демонстрируется противостояние «мы» (солдаты) и «они» (штатские, штабные офицеры, тыловые войска, офицеры и вышестоящие чины): *der Etappenhengst* ‘военный, проходящий службу в тылу; презрительно – герой тыла’, *die Etappensau* ‘герой тыла’, *der Heimatkrieger* ‘гражданское лицо, избежавшее военной службы’, *der Hei-*

matbulle 'гражданское лицо, избежавшее военной службы', *der Speck* 'тыловые войска', *der Ober* 'старший лейтенант', *der Goldfasan* 'генерал', *der Christbaum* 'офицер' и т.д. Тем самым солдаты высказывали свою принадлежность к фронтовой части, подчеркивали свое отличие от штатских и тыловых войск, которых они презирали за трусость, так они выражали свое отношение к армейскому начальству, которое они ненавидели за жестокость, тягу к наградам и чинам.

Сами солдаты относились к наградам и медалям с иронией, считая, что ордена не стоят ими пролитой крови: *der Heldenschmuck* 'орден', *der Klempnerladen* '«иконостас», ордена на груди', *die Schmuckware* 'орден, награда', *die Zinnware* 'орден, награда'.

В реферируемом исследовании мы считаем возможным выделить в дискурсивной практике солдат на передовой защитную функцию жаргона. В речи литературных героев проанализированных романов мы редко встречаем употребление слов, без которых немислима любая война: «умереть», «погибнуть», «быть раненым». На целый ряд слов и понятий в солдатской речи накладывается табу. Эвфемизмами «опасных» понятий служат обычно шутливо-юмористические или грубо-фамильярные названия, подчеркивающие бодрое и презрительное отношение к ним.

Жаргонизмы позволяют военнослужащим избежать прямой номинации опасных и даже магических явлений: «ранений», «смерти» и ее «орудий» (военных орудий, снарядов). С другой стороны, речь солдат, для которой присущи «юмор висельника», эвфемизмы, способствовала и определенной психологической разрядке военнослужащих. Подмена «страшного», «приносящего смерть» на безобидные, часто смешные, даже грубые и циничные метафорические номинации психологически преуменьшала степень опасности, помогала солдатам бороться с их страхами, мешала серьезно относиться к «враждебным силам»: *den Arsch zukneifen* 'погибнуть', *ihn hat es, ihn hat es erwischt* 'Его настигло, задело это (пуля, снаряд); он убит, ранен', *eins vor die Plauze kriegen* 'быть раненым; быть раненым в живот или грудь', *fetzen* 'ранить кого-то; разорвать в клочья', *blaue Bohnen* 'пули', *Kattun haben* 'подвергнуться ожесточенному артиллерийскому обстрелу', *die Schildkröte* 'танк', *funken* 'палить, стрелять'.

Сходные примеры можно обнаружить в русском и английском языках. Например, русский язык – *зукнуться; улететь; сказал, чтоб довоевывали без него; взять планку; уйти во мраки; дембельнуться досрочно; уйти в запас* 'умереть'; *отправить к «верхним людям»* 'убить'; английский язык – *He's gone west, He's hopped it, kick* 'умереть'; *done over* 'убитый', *hit* 'убивать', *out of mess* 'убит, снят с довольствия'.

В реферируемом диссертационном исследовании данная группа жаргонизмов рассматривается как эвфемистическая замена прямого наименования предметов или явлений, которые вызывают негативную эмоцию – страх. Новое косвенное наименование нейтрализует эту эмоцию.

Специфика солдатской речи выражается в ее эмоционально-экспрессивной насыщенности. Солдатские слова (жаргонизмы и окказиональные образования) выражают не только известные явления, но и отношения к этим явлениям.

Эмоционально-окрашенную жаргонную лексику можно подразделить на две основные подгруппы. Первая подгруппа состоит из слов и выражений шутивно-юмористического характера (*das Gemüse* ‘рекруты’, *die Schießbudenfigur* ‘полный человек, по тебе только в тире стрелять’, *der Blindgänger* ‘неразорвавшийся снаряд’, *die Kähne* ‘ботинки’, *der Spiegel* ‘петлица’, *der Boullonkeller*, *die Gulaschkannone*, *die Gulaschmarie* ‘полевая кухня’).

Вторая подгруппа включает слова и выражения, объединяемые общей эмоциональной окраской, связанной с негативным (критическим) отношением к обозначаемым понятиям: ирония, насмешка, осуждение, оскорбление, пренебрежение, презрение с различными оттенками). К данной группе относятся слова, обозначающие офицеров, тыловиков, гражданских, поваров, военных хирургов, ордена, блюда, входящие в армейский рацион, многие слова и словосочетания, обозначающие другие реалии и явления армейской жизни: *der Schinkenklopfen* ‘муштра’, *zwiebeln*, *schleifen*, *putzen* ‘муштровать, мучить на плацу’, *die Schlachtbank* ‘операционная’, *der Knochenschuster* ‘хирург, врач’, *zusammenflicken* ‘оперировать’, *der Küchenbulle* ‘повар’, *der Zivilbrocken* ‘штатский’, *der Gefrierfleischorden* ‘орден, полученный в боях на Восточном фронте’, *der Heide* ‘герой тыла’, *Bratenwasser Din A4* ‘тушеная говядина с соусом’, *das Spülwasser* ‘похлебка’ и др.

В реферируемом исследовании мы считаем возможным рассмотреть солдатскую речь, которой присущи постоянное нарушение литературной нормы, активное использование табуированной лексики, игра слов, создание новых лексических единиц (часто с отрицательной эмоционально-экспрессивной оценкой), как своеобразную форму протеста и выражения своего мнения и эмоций, причем единственно доступную для солдат.

В дискурсивной практике военнослужащих срочной службы можно встретить большое количество пословиц, шуток, выражений, посредством которых реализуется оценочное отношение и дается своеобразная аттестация явлениям, определяющим особенности военной жизни. Многие такие выражения нередко обладают воспроизводимостью и воспринимаются как проявления мудрости, как формы речевой экспрессии, предназначенные для квалификации общественно значимого. Они представлены простыми и сложными предложениями, части которых часто скреплены рифмой: *Dienst ist Dienst, und Schnaps ist Schnaps; Gleiche Löhnung, gleiches Essen – war der Krieg schon längst vergessen.*

Многие из них воспринимаются носителями национального языка как грубые и непристойные: *Kartoffeln mit Soße und Zwiebeln dazu, das läuft durch die Hose bis in die Schuh*.

Для речи солдат характерен «юмор висельника» (*der Galgenhumor*). В дискурсивной практике военнослужащих срочной службы можно встретить большое количество циничных шуток и сравнений. Солдаты шутят даже над смертью и смертельной опасностью: *Panzerjagd ist das beste Mittel gegen Alterskrebs; wenn jemand stirbt, dann heißt es, dass er den Arsch zugekniffen hat*.

Данные характеристики не могут быть сведены лишь к недостаточному владению литературной нормой или низкому уровню образованности солдат. Во-первых, долгое пребывание в замкнутом пространстве большого количества совершенно разных людей (из разных социальных слоев, разных возрастов, с разными убеждениями и взглядами на жизнь), невыносимые условия армейской жизни, ужасы войны были основными причинами агрессивности, нервозности и часто беспричинной вспыльчивости солдат. Самыми распространенными «болезнями» на фронте были: *der Frontkoller* ‘солд. жарг. помутнение рассудка, возникающее в результате долгих и изнурительных боев’, *der Angstkoller* ‘солд. жарг. беспричинное чувство страха, нервозность, возникающая в результате долгих и изнурительных боев’. Гибель товарищей, ежедневные столкновения с ужасами войны сделали военнослужащих циничными и грубыми. Все это наложило определенный отпечаток и на речевое поведение солдат. Во-вторых, юмор, шутки, подчас очень грубые и циничные, были единственным средством, позволяющим солдатам расслабиться, психологически победить свои страхи, хоть на мгновение забыть о смерти товарищей. В-третьих, сниженность и вульгаризм солдатской речи – особенность нашего восприятия. Она снижена с точки зрения нашей языковой системы, но в восприятии самого солдата она носит «героический», приподнятый характер. Сами военнослужащие расценивали «крепкое словечко» в своей речи как проявления мужественности и смелости. П. Боймер, главный герой романа «На Западном фронте без перемен», замечает: *Kто не похабничает, тот не солдат* [Remarque 1975: 119].

На синтаксическом уровне выделяется следующая характеристика речевого поведения военнослужащих срочной службы: активное употребление неполных, простых предложений, эллипсисов, побудительных инфинитивных предложений.

Данные особенности речи солдат не могут быть, на наш взгляд, объяснены лишь влиянием официального языка служебных отношений на сферу неофициального общения военнослужащих срочной службы (О.И. Москальская). Анализируя речь солдат на передовой, нелишне было бы сказать о лингвистике измененных состояний сознания, которая представляет собой область языкознания, основой которой можно считать положение о

том, что нормальной речевой деятельности носителей естественного языка неотъемлемо присущи моменты напряженности, усложненности порождения и восприятия речи, на материале которых анализ закономерностей речевой деятельности особенно эффективен. Сюда относятся, прежде всего, естественно возникающие в необычных условиях существования измененные состояния сознания, к которым следует отнести состояние стресса и переутомления, связанные с ответственной работой или пребыванием в тяжелых природных условиях; состояния тревоги и страха или сильного волнения и радости при нарушении привычных жизненных стереотипов или резком изменении жизненной обстановки (Д.Л. Спивак).

Пребывание на фронте, постоянное напряжение, смертельная опасность, стрессы, усталость безусловно приводят к определенным трансформациям психики человека. Поэтому и структуры синтаксических конструкций соответствующим образом модифицируются.

Одной из важнейших характеристик речи солдат является ее экспрессивность. Под «экспрессивностью» в реферируемом исследовании понимается триединство языковой единицы, ее стилистических коннотаций (смысловой, содержательный компонент) и порождаемой ими функции, заключающейся в создании изобразительно-выразительных примет речевого произведения, в увеличении его воздействующей силы на воображение адресата (Ю.Л. Левитов).

Содержательный аспект представлен тернарной смысловой структурой: эмоциональность, интенсивность и образность (Н.А. Гаспилене). Данное определение выделяет, на наш взгляд, самые частотные коннотации языковых единиц, способные создавать эффект выразительности и изобразительности речи.

В дискурсивной практике солдат обычно маркированы два признака экспрессивности: эмоциональность и образность.

Фактический материал исследования стилистических особенностей речи немецких солдат составили около 250 фигур, при этом учитывались как жаргонизмы, так и окказиональные образования. Стилистическая составляющая дискурсивной практики немецких военнослужащих срочной службы характеризуется процентным отношением риторических фигур к их общему числу, так как некоторые приемы (образцы метонимии *der Tommy* ‘английский солдат’ или метафоры *das Frontschwein* ‘старослужащий, опытный солдат’, *dicke Luft* ‘сильный обстрел вражеских орудий’) повторяются в проанализированных романах не менее трех-четырех раз.

В работе выделяются основные стилистические средства, придающие речи солдат экспрессивность: метафора, метонимия, сравнение, эвфемизм, игра слов.

На первом месте по частотности употребления находится *метафора* (56% всех зарегистрированных примеров): *der Küchengeschirraspirant* ‘гусь, которого хотят зажарить’, *der Gottsdonner* ‘обломки упавшего само-

лета', *der Küchendragoner* 'женщина мощного телосложения', *die Milchsuppe* 'туман', *pumpen* 'отжиматься', *die Kreuzung aus Essiggurke und Blindgänger* 'явление, вещь, выходящее за рамки обычного; удивленное выражение лица' и др.

Эвфемизм представлен 15% всех зарегистрированных примеров. В работе к эвфемизмам относятся те лексические и фразеологические единицы, которые служат для номинации опасных и даже магических явлений: «ранений», «смерти» и ее «орудий». По семантической структуре данные единицы представляют собой метафоры: *dicke Brocken* 'крупные осколки; гранаты', *Kattun haben* 'подвергнуться ожесточенному артиллерийскому обстрелу', *der Kohlenkasten* 'тяжелый снаряд', *dicke Luft* '1) оживленный артиллерийский огонь; 2) большая опасность', *die Tomate* 'граната; голова', *trommeln* 'вести ураганный огонь' и др.

Лексико-фразеологические единицы, образованные в результате метафорического переноса значения, включают, с одной стороны, общеупотребительную лексику и некоторые слова и словосочетания из других слоев словарного состава языка, употребляемые в переносном значении для выражения специфических военных понятий. Например: *der Christbaum* 'офицер', *der Goldfasan* 'генерал', *draußen* 'на передовой, на фронте', *die Spritze* 'ружье, пушка', *der Spund* 'солдат', *pfeffern* 'задать «перца» врагу, стрелять', *die Hummeln* 'пролетающие мимо во время обстрела снаряды и пули', *dickes Ding* 'тяжелая граната' и др.

С другой стороны, эта группа лексико-фразеологических единиц включает военные термины, употребляемые в переносном смысле для выражения общеизвестных понятий. Например: *die Latrinenparole* 'слух, молва, (рожденная и передаваемая в уборной)', *bombensicher* 'очень точно, уверенно, несомненный', *die Bombe* 'успех, большой приятный сюрприз', *eine Kreuzung aus Essiggurke und Blindgänger* 'вещи, явления, выходящие за рамки обычного, удивленное выражение лица', *der Küchendragoner* 'женщина мощного телосложения, «драгун в юбке»' и др.

Первая группа лексико-фразеологических единиц значительно превышает вторую (61,5% от общего количества метафорических номинаций). В речи солдат можно выделить следующие оппозиции: «военный» – «штатский», «на передовой – в тылу», «по одну сторону окопа – по другую сторону окопа», «быт мирный – быт военный». Именно перенесением через эту непроходимую для солдат границу оппозиций, которая может быть сведена к одной: «фронт», «армейская жизнь» – «мирная жизнь», и организуются если не все, то очень многие словарные единицы: *яйцо* 'бомба', *свинья* 'старослужащий', *новогодняя елка* 'осветительные ракеты' и т.д. В качестве источника метафоризации избираются явления и предметы, окружавшие человека в его мирной жизни. Это отражает стремление солдата уйти от суровой и жестокой военной действительности, обозначить явле-

ния, окружающие его на фронте и в армейской жизни через сугубо «мирные» реалии и ситуации.

Достаточно часто в своей дискурсивной практике солдаты используют яркие, образные и эмоционально окрашенные *сравнения* (20% всех зарегистрированных примеров): *Wenn man so lange bei der Innung ist, lernt man schon am Geräusch einen T 34 von einem Panzer IV unterscheiden wie eine Hummel von einem Maikäfer* [Schulz 1962: 139].

Метонимический перенос представлен в проанализированных романах 5% все зарегистрированных примеров. В солдатском жаргоне, например, имеет место метонимическая деуникумизация имен собственных для обозначения солдат противника.

Суть его заключается в том, что солдаты называют своих врагов, используя для этого самые распространенные мужские имена в стране неприятеля. Русских солдат немецкие солдаты называют *иванами*: *Alfons lachte: Der (Vodka) ist ziemlich scharf. Sicher seine siebzig Prozent. Die Iwans vertragen ihn scharf* [Remarque 1957: 183], а англичан – *томми*: *Kropp sagte: „Die Tommys schießen schon“* [Remarque 1975: 47].

В речи солдат можно также встретить и такой стилистический прием, как *игра слов* (4% всех зарегистрированных примеров). Ярким примером игры слов может служить цитата из романа Д. Нолля «Приключение Вернера Хольта». Солдаты встречают синего от холода блокварта с говорящей фамилией Кюль (‘прохладный’), и один из них обращается к нему со следующими словами: *Vetter meckerte los. „Kühl!“ rief er. „Mensch, Blockwart Kalt müssten Sie heißen, Eiskalt* [Noll 1981: 459].

Экспрессивность речевого поведения солдат проявляется и на экстралингвистическом уровне. Глаголы говорения передают такие физические характеристики речи солдат как «громкая», «резкая», а также такие ее эмоционально-экспрессивные характеристики, как «грубая», «нервная», «взволнованная», «гневная», «ироничная», «язвительная». Благодаря этим описаниям у нас складывается следующий речевой портрет военнослужащего срочной службы: человек, склонный к шуткам, иронии, даже сарказму, старающийся при удобном случае высмеять окружающих людей и окружающую действительность; личность, не скрывающая свои чувства и эмоции, выражающая свое мнение открыто, нередко в грубой и резкой форме.

Проделанный анализ позволил дать обобщенное описание речевого портрета военнослужащего срочной службы. Речевые портреты отражают не только особенности речи того или иного социума, но и мировоззрение, и мироощущение его членов. Речевые портреты литературных героев, конечно, не могут передать всю палитру внутреннего мира солдата и его взаимоотношений с окружающим миром. В частности, в проанализированных романах не отражены «женский вопрос» и тема интимной жизни военнослужащих. Возможно, данные темы, по причине своей специфично-

сти и своеобразного, часто очень грубого, отношения военнослужащих к ним, расцениваются писателями как неуместные и табуированные в произведении художественной литературе. Но в жизни солдат, особенно на передовой, данные темы играют одну из первостепенных ролей. Но, несмотря на это, речевые портреты литературных персонажей могут служить материалом для различных социолингвистических исследований. Это особенно актуально в тех случаях, когда нет возможности исследовать живую речь. Речевые портреты художественных героев позволяют нам увидеть, что лежит на поверхности, выделить наиболее типичные социолингвистические характеристики речевого поведения, присущие представителям различных социумов в составе любого современного общества.

В *заключении* подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшей работы. Список использованной литературы содержит 211 единиц.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Гафарова А.С. Особенности номинации орудий, рангов и потерь в немецком армейском жаргоне // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сб. науч. тр. / Ред. О.С. Шумилина. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 1. – С. 51-56.

2. Гафарова А.С. Экспрессивность армейского жаргона // Язык и его функционирование: Межвузовский сборник научных трудов / Ред. В.И. Иванова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – С. 31-38.

3. Гафарова А.С. Речевой портрет в аспекте оппозиции *oratio naturalis* – *oratio fictionalis* // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сб. науч. тр. / Ред. О.С. Шумилина. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 2. – С. 80-83.

4. Гафарова А.С. Солдатский жаргон и солдатский быт // Проблемы профессиональной компетенции в языковом обучении: Материалы межрегиональной научно-практической конференции / Ред. Т.А Жалагина, Н.А. Комина. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – С. 68-72.

5. Гафарова А.С. Жаргонизмы в дискурсивной практике немецких солдат // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. / Ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5. – С. 36-43.

6. Гафарова А.С. Особенности метафорического переноса в дискурсивной практике немецких солдат // Вестник Тверского государственного университета: Серия «Филология» / Ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – Вып. 5. – № 2 (19). – С. 175-178.

7. Гафарова А.С. Функционально-семантическое поле *verba dicendi* в немецком языке // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сб. науч. тр. / Ред. О.С. Шумилина. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – Вып. 4. – С. 57-63.

Технический редактор А.С. Ключкина
Подписано в печать 09.06.2006. Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$.
Бумага типографская № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,25. Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 100 экз. Заказ №672
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: Россия, 170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.